

АЛИ АЛИМХАНОВИЧ ЗАЙЦЕВ

аспирант Центра гуманитарных проблем Баренц-региона,  
Кольский научный центр РАН (Апатиты, Российская Феде-  
ральная)

aleeck1@rambler.ru

## ЛИЧНЫЙ АРХИВ Н. Н. ВОЛКОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ВЕРОВАНИЙ СААМОВ

Статья посвящена работам советского этнографа Николая Николаевича Волкова (1904–1953), автора монографии о российских саамах, опубликованной после смерти репрессированного ученого. Исследование предпринято на основе анализа материалов фонда Научного архива Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Акцент сделан на позиции этнографа в отношении религиозных верований саамов. Представлены общая характеристика личного архива Волкова, место в нем работ о религиозных институтах, системе верований саамов и их христианизации. Выявлена динамика позиции советского этнографа в 1930–1940-е годы по ряду вопросов, связанных с оценкой православного миссионерства и внехристианских религиозных практик саамов. При этом сохраняла устойчивость эволюционистская точка зрения на постепенное отмирание части религиозных верований саамов и признание формального исповедания ими православия.

Ключевые слова: Н. Н. Волков, советская этнография, архив, саамы, верования, христианизация

### СУДЬБА ЭТНОГРАФА

Достаточно подробная биография и описание научной деятельности Н. Н. Волкова представлены в работе этнографа и историка науки А. М. Решетова, а также в справочном материале, подготовленном в 1985 году заведующей Научным архивом Кунсткамеры И. В. Жуковской к описи фонда № 13. Исследователи использовали документы Архива АН СССР (позже СПб филиала Архива РАН) из фонда № 142, опись 5, дело 249, а также архивные справки подразделения Управления КГБ СССР по г. Ленинграду и Ленинградской области от 12 июля 1991 года и от 8 октября 1991 года и архивную справку Управления по Санкт-Петербургу и области Министерства Безопасности РФ от 23 июня 1993 года<sup>1</sup> [5: 367].

Еще будучи студентом этнографического отделения географического факультета Ленинградского государственного университета, где он обучался экстерном с 1928 по 1930 год, одновременно проходя воинскую службу на Балтийском флоте (1926–1930 годы), Н. Н. Волков начал исследовательскую работу под руководством этнографа и религиоведа профессора Н. М. Маторина. Сразу после окончания университета поступает в аспирантуру. В 1930 и 1931 годах двумя изданиями выходит его работа «Секта скопцов», подготовленная еще в студенческие годы [2: 4–5, 7]. В 1936 году была опубликована еще одна его монография «Скопчество и стерилизация» [3]. Диссертация Н. Н. Волкова «Скопчество как социально-экономическое и религиозное явление» получила высокую оценку Д. К. Зеленина, Е. Г. Кагарова и других видных специалистов [5: 353]. Выполнялась диссертация фактически вне рамок аспирантской подготовки, поскольку

в 1931 году Волков из аспирантуры отчислился, «не будучи удовлетворен руководством аспирантурой»<sup>2</sup>. С 1931 по начало 1935 года он работал по мобилизации на оперативной службе в НКВД, откуда демобилизовался по инвалидности с диагнозом «неврастения»<sup>3</sup>. С марта 1935 года он вновь возвращается к научной работе в Отделе Европы Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР г. Ленинграда в качестве младшего научного сотрудника, а по совместительству и сотрудника Государственного музея этнографии (ГМЭ).

В 1935–1936 годах Волков совершает серию экспедиций в Мурманский округ Ленинградской области для изучения саамов. В ноябре 1935 года руководит подготовкой новой экспозиции в ГМЭ «Социалистическое строительство на Кольском полуострове», посвященной памяти С. М. Кирова. Тогда же он меняет тему исследований и начинает писать новую диссертацию «Саамы (лопари)». По предположению А. М. Решетова, «уход его от изучения проблемы сектантства, прежде всего скопчества, связан с арестом как “врага народа” руководителя этой темы Н. М. Маторина», который якобы был идеально связан с «контрреволюционной зиновьевской оппозицией» и являлся «активным участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство С. М. Кирова». На основании статьи 58-8, 11 УК РСФСР 11 октября 1936 года Маторин был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян [4: 213–216], так что «вполне вероятно, что именно это обстоятельство послужило поводом к наказанию автора по партийной линии: Н. Н. Волков, член партии с 11 февраля 1921 г., в апреле 1937 г. был

исключен из ВКП(б) за утерю большевистской бдительности и связи с участниками правотроцкистской организации». Он оспаривал это решение, но безрезультатно. С апреля 1937 по февраль 1938 года, будучи уволенным из института, Волков несколько месяцев работал стекольщиком. Позже был восстановлен в прежней должности [5: 354].

В 1939–1940 годах Институт этнографии готовил к публикации многотомную работу «Народы мира». Н. Н. Волков написал для нее 10 статей: «Саамы», «Вепсы», «Коми-зыряне и пермяки», «Карелы», «Финны (суоми)», «Ижоры», «Водь», «Евримейсы и савакоты», «Татары крымские», «Цыгане». Кроме того, как секретарь тома он координировал работу по подготовке статей членами авторского коллектива. Согласно биографическому материалу, хранящемуся в фонде 13, для написания своих статей, которые, в конечном счете, не были опубликованы, Н. Н. Волков неоднократно выезжал в экспедиции в различные районы Ленинградской и Мурманской областей, Карельской и Крымской АССР<sup>4</sup>. В частности, с 1 сентября по 1 октября 1940 года он предпринял экспедицию к саамам, во время которой собирал материалы по следующим темам: оленеводство и езда на оленях, охота и жизнь охотников на промысле, саамские жилища, пища и одежда, социалистическое переустройство их жизни. В предвоенный период участвовал в работе по реэкспозиции выставки Карело-финского отдела ГМЭ.

С 5 июля 1941 года Н. Н. Волков ушел добровольцем на фронт, после ранения под Гатчиной попал в плен, освободился только к концу Великой Отечественной войны, после чего вновь был зачислен в РККА. Демобилизуется он только в конце 1945 года, тогда же восстанавливается на работе в Институте этнографии и антропологии АН СССР в прежней должности младшего научного сотрудника и продолжает научную деятельность [5: 354].

В 1946–1947 годах Н. Н. Волков совершил две экспедиции с целью изучения вепсов: в Шелтозерский район Карело-Финской ССР и Шимозерский район Вологодской области. В этот же период защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Саамы СССР». На Всесоюзной научной конференции по финноугроведению, которая проходила в ЛГУ с 23 января по 4 февраля 1947 года, выступил с докладом «Некоторые итоги этнографического изучения саамов (лопарей) СССР», в котором обосновал новые подходы к изучению саамской истории и этнографии [5: 354].

7 ноября 1947 года Н. Н. Волков был арестован и постановлением Особого Совещания при МГБ СССР 31 июля 1948 года осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Согласно формулировкам обвинения, он, находясь в плену у немцев,

якобы «проводил антисоветскую агитацию, клеветал на руководителей ВКП(б) и советского правительства, призывал советских граждан к прекращению борьбы против немецких оккупантов» и, «возвратившись из плена и проживая в Ленинграде, среди своих знакомых в период 1946–1947 гг. продолжал проводить антисоветскую агитацию». Ученый-этнограф отбывал заключение в ВЯТЛАГе (станция Фосфоритная Пермской железной дороги) и умер в поселке Лесное Кировской области 7 марта 1953 года [5: 354–355].

Судьба Н. Н. Волкова может считаться показательной для ученого-гуманитария его поколения, прежде всего в отношении того, как политико-идеологические факторы влияли на профессиональную научную траекторию, в том числе на предметную область исследований, на возможности интерпретации и публикации результатов. Требования пропагандировать государственную идеологию, применять «единственно правильный» марксистско-эволюционистский подход к характеристике социально-экономических, культурных и духовных институтов общества и отдельно взятых этнических групп, претворять в жизнь государственную антирелигиозную политику на основе «научного атеизма» и т. п. в виде необходимости могли внутренне приниматься или отвергаться самим исследователем, полностью или частично. Обзор архивных материалов в сопоставлении с опубликованными работами позволяет повысить достоверность суждений о реальных интересах исследователя, нереализованных направлениях работы. Материалы личного архива Н. Н. Волкова дают основание считать, что изучение народно-религиозных взглядов и практик, деятельности институтов их воспроизводства относились к приоритетам Волкова как саамоведа.

#### АРХИВ Н. Н. ВОЛКОВА

Работы и личные документы Н. Н. Волкова находятся в Научном архиве МАЭ РАН в фонде № 13 и относятся к периоду с 1930 по 1947 год. Согласно аннотации к описи фонда, материалы были переданы в Музей вдовой этнографа в 1958 году, и дальнейших поступлений не было. 14 мая 1985 года были проведены проверка наличия и сохранности единиц хранения в данном фонде, а также «экспертиза ценности документальных материалов, в результате чего выявлены документы, не подлежащие хранению»<sup>5</sup>. И. В. Жуковской составлена единая опись вместо шести, существовавших ранее. Изначально до объединения в фонде было 116 единиц хранения, на данный момент – 102. Как отмечает И. В. Жуковская, «к сожалению, не все его полевые материалы сохранились и в фонде они составляют незначительное число»<sup>6</sup>.

Материалы фонда № 13 можно условно распределить на четыре группы: 1) полевые материалы

(фотографии, рисунки, карты и полевые записи), составляющие от всего числа документов 26,3 %, 2) научные труды (статьи, очерки, доклады и др.) – 47,4 %, 3) служебные документы (докладные записки, отчеты и т. п.) – 11,4 %, 4) отзывы, рецензии, письма и личное дело – 14,9 %. При этом одна единица хранения может состоять как из одного, так и из нескольких документов, вследствие чего количество единиц хранения и количество документов не совпадают.

Собственно работы Волкова составляют 72,8 % из всего массива имеющихся в фонде документов, 3,5 % работ в соавторстве, труды других авторов – 23,7 %. Из них 4 документа принадлежат неустановленным лицам, есть переводы 4 работ иностранных авторов.

К раннему периоду деятельности Н. Н. Волкова относятся его работы по проблемам религии и атеизма, которыми автор активно занимался с 1930 по 1936 год, а впоследствии периодически возвращался к ним. В фонде имеются 4 отзыва на работы Н. Н. Волкова по данной теме – Д. К. Зеленина, Е. Г. Кагарова и И. И. Мещанинова (дела 86–89) и 6 работ Н. Н. Волкова (дела 34, 37, 38, 54, 55, 75), которые датируются с 1936 по май 1941 года и составляют 8,8 % от всего массива документов. Согласно библиографической справке в личном деле, Волковым, помимо упомянутых монографий «Секта скопцов» и «Скопчество и стерилизация», был опубликован ряд работ по «вопросам изучения религиозных пережитков и их преодолению»: «К методологии изучения религиозных организаций в СССР» (Атеист. 1931. № 4), «Религия и борьба с нею на Днепрострое» (Воинствующий Атеист. 1931. № 2), «Федоровцы или еноховцы в ЦЧО», «По очагам церковного мракобесия» (Безбожник. 1931) и другие статьи в журналах и газетах<sup>7</sup>. По мнению Н. Н. Волкова, «для суждения о преодолении религии у того или иного народа, прежде всего необходимо познакомиться с основами религиозных верований у данного народа, проявлениями религиозных пережитков в производственной, семейной и общественной жизни», и «лишь в этом случае мы сможем определить успехи антирелигиозного воспитания и наметить задачи конкретной работы, дающие наиболее действенные результаты в преодолении религии»<sup>8</sup>. Такими формулировками советские исследователи обосновывали свои научные изыскания и связывали их с необходимостью преодоления религиозных «пережитков» в народной среде, что соответствовало как научно-еволюционистской традиции, так и идеологии большевиков.

Н. Н. Волков несколько раз принимал участие в организации экспозиционной работы музеев по этнографической и краеведческой тематике. Так, в 1935 году он подготовил докладную записку «о состоянии Мурманского музея краеведения и необходимости его реэкспозиции» (дело 29) и «Путеводитель по отделу Кольского полуострова в Государственном музее этнографии» (дело 31), а в 1940 году – тематико-экспозиционный

план, объяснительную и докладную записки для обновления экспозиции по Карело-Финской ССР (дело 47).

В данном фонде содержатся труды по общим, этнографическим и филологическим проблемам финно-угроведения: 7 работ принадлежат Волкову (дела 39, 42, 63–65, 71, 80), 1 совместная работа с Д. В. Бубрихом и Н. Н. Чебоксаровым (дело 72) и 3 работы других авторов (дела 91, 92, 101). Здесь Н. Н. Волков дает отсылки к отдельным этническим общностям, в том числе к саамами.

На основании архивных материалов можно определить степень внимания исследователя к отдельным народам. Из 75 документов, объединенных в 53 единицы хранения, которые составляют 53,5 % от общего числа дел в фонде, саамам посвящено 22 документа<sup>9</sup>, вепсам – 19<sup>10</sup>, эвримейсам – 6, савакотам – 5,ижорам и русским – по 4, карелам – 3, води, коми-зырянам и пермякам, крымским татарам – по 2, финнам, эстонцам, венграм и цыганам – по 1 документу. Как видим, в фонде присутствуют дела, которые состоят из одного источника, но содержат информацию о нескольких народах. Например, дело 43 имеет вид статьи, разбитой на 8 очерков, каждый из которых посвящен отдельному финно-угорскому народу, в том числе и саами. Общности савакоты и эвримейсы чаще идут в паре, за исключением случаев, когда савакоты отсутствуют (дело 43) или к ним добавляются ижора (дело 66).

Материалы по этнографии саамов составляют 27 из 102 дел (27,5 % от всего числа дел). Причем 2 дела включают в себя 2 (дело 58) и 3 (дело 85) документа соответственно. Таким образом, в совокупности имеется 30 документов, среди которых в личном архиве Волкова находятся 6 работ других авторов, 2 комплекта рисунков других авторов, 3 отзыва на работу Н. Н. Волкова, авторству которого принадлежат: полевые материалы (9 дел), научные труды (7 дел) и служебные документы (2 дела).

При жизни ученого была издана лишь одна его работа, посвященная саамам, – статья «Изобразительное искусство саамов СССР», опубликованная в сборнике «Народное творчество» за 1940 год<sup>11</sup>. Только в 1996 году в сокращенном виде увидела свет его диссертация «Российские саамы. Историко-этнографические очерки» под редакцией Ч. М. Таксами (МАЭ РАН) и Л.-Н. Ласку (Саамский институт), которые не включили в издание политической части, поскольку она, по их мнению, «не вполне отражает историческую действительность» [1].

#### ХРИСТИАНИЗАЦИЯ И ДОХРИСТИАНСКИЕ ВЕРОВАНИЯ СААМОВ В ОЦЕНКАХ Н. Н. ВОЛКОВА

В ранних работах 1935–1936 годов Н. Н. Волков высказывается достаточно жестко о деятельности православной церкви среди саамского населения. По его утверждениям, монахи Соловецкого монастыря вели разведывательную деятельность «для приобщения Кольского

полуострова к Московскому княжеству», а сам Соловецкий монастырь являлся «форпостом русского самодержавия на Севере и средоточием торгово-ростовщических операций»<sup>12</sup>. В XVI веке Трифоном Печенгским и Феодоритом Кольским, «несмотря на сопротивление саамов, они были крещены и вскоре превращены в монастырских крепостных и русских подданных»; «посещая Москву, монахи и различные авантюристы добывались от царей грамот на владение водными угодьями, землями и лопарями»<sup>13</sup>. По мнению этнографа, миссионеры и северорусские монастыри руководствовались в первую очередь экономическими интересами, так как хозяйство Кольского Севера основывалось на рыбном промысле (семга, палтус, треска). «Все саамы были поделены между монастырями, эксплуатировавшими их как путем крепостного труда, так и ростовщической кабалы»<sup>14</sup>. Начиная «с XVI столетия, т. е. с периода достоверных известий исторической науки о саамском народе, его культура оставалась почти неизменной, если исключить отмирание прежних религиозных представлений под влиянием насильственной христианизации»<sup>15</sup>.

С 1939 года акценты в работах Н. Н. Волкова смешаются. Ученый указывает на более мирную христианизацию населения русскими, нежели западными миссионерами и на прогрессистскую роль православных монастырей Русского Севера XV–XVII веков, которые, будучи «неотделимой частью государства последовательно распространяли свое влияние на нерусское население». Несмотря на то что саамы «не всегда охотно принимали христианство и не без борьбы (если верить жизнеописанию Стефана Пермского, Феодорита и Трифона Печенгского)», «нет никаких оснований предполагать применение инквизиционных средств». Напротив, «положительное их значение заключалось в том, что они содействовали расширению хозяйственной деятельности населения, способствовали культурному развитию и нередко спасали от разбойниччьих шаек интервентов, предоставляя приют и пищу и отражая нападения своими гарнизонами»<sup>16</sup>.

Н. Н. Волков отмечал формальное исповедание российскими саамами православного христианства при наличии всех внешних атрибутов и строгого соблюдения обрядности. Православное вероисповедание «было воспринято внешне, как одно из средств магического воздействия на природу»<sup>17</sup>. Он вновь утверждает единство процессов закрепощения населения и христианизации, поскольку «с помощью кабальных сделок с саамами и жалованных царских грамот монахи захватили саамские земли и рыболовные угодья и превратили их в своих крепостных». Однако уточняет, что «в некоторых случаях саамы в XV и XVI вв. сами изъявляли желание принять православную веру и быть приписанными к монастырям, чтобы избавиться от платежа дани трем государствам: датскому, шведскому и московскому»<sup>18</sup>. Позже Н. Н. Волков отмечал большое

значение монастырей в XV–XVII веках как «проводников северно-русской культуры к саамам»<sup>19</sup>.

Столь же резко, как и православную миссию, Н. Н. Волков характеризовал в ранних работах дохристианские религиозные институты. В первую очередь это касается нойдов-колдунов, институт которых всегда являлся устойчивой характеристикой культуры саамов. По его утверждению, современными ему нойдами являются «кулаки-эксплуататоры», использующие «наличие среди саамов древних верований», и «некогда, лет 250–300 тому назад, каждый колдовал сам себе, имея особый для этого волшебный барабан, затем функции чародеев перешли к особо талантливым, так называемым нойдам»<sup>20</sup>. Таким образом, автор говорит о нойдах как о позднем явлении. Он отмечает, что «в начале XX века происходит весьма интересное явление: по мере того, как падает авторитет обычного нойды (чаще – бедняка, одержимого наподобие своего турецкого собрата – дервиша), функции нойды берет на себя кулак», который «уже не колдует, как прежний нойда, в интересах всего селения за скромную плату и открыто (лишь тайно от христианских священников), а колдует такой от всех, сам для себя, в ущерб интересам погоста»<sup>21</sup>. Следовательно, нойды прошлого ориентировались на коллектив соотечественников, а нойды нового времени – на свой личный интерес. В отличие от них, у первых Волков отмечает индивидуально-психологическое основание занятий магической деятельностью («одержимость»).

После 1939 года Н. Н. Волков придерживается, скорее, нейтральной позиции, когда описывает дохристианские верования саамов. Объединяя основания систематизации по персонажам, объектам и локусам, он выделяет магию (нойды, колдуны), анимизм (духи леса, рек, озер и т. п.) и фетишизм (сейды, горы, леса и т. п.), отмечает отсутствие элементарных знаний по медицине и распространение знахарства<sup>22</sup>. По его мнению, «в верованиях саамов характерно сосуществование христианских понятий с первобытнообщинной религиозной идеологией», и «в течение свыше трех столетий исповедуя христианство, саамы до недавнего времени сохраняли веру в демонов-хозяев, анимистические возвретия на природу, куль каменных сейдов-фетишей, жертвенных животных, магию и колдовство»<sup>23</sup>, то есть «в быту и сознании саамов большую роль играли первобытные верования»<sup>24</sup>. Автор отмечает, что до революции «широко были распространены вера в колдовство при помощи рогов диких оленей, поставленных в ряд на особо отведенных для этого местах (чуэрвьарты), и захвачивания при помощи пения и врашения ножа»<sup>25</sup>; в эти места «сносили рога убитых диких оленей и бросали монеты с целью получить удачу на охоте или рыбной ловле»<sup>26</sup>. «В каждом селении имелись один или несколько лиц, которые слыли «нойдами», то есть колдунами, и которые по своим функциям были близки к «сибирским

шаманам»<sup>27</sup>, но «шаманства как особой профессии, у кольских саамов не было»<sup>28</sup>. Волков пишет, что «объектами поклонения являлись небесные светила, облака и олицетворенный гром», и «до недавнего прошлого был распространен культ сейдов – почитание камней и гор, якобы приносящих удачу на охоте и в рыбной ловле»<sup>29</sup>. Кроме того, «многочисленные женские сейды (камни-фетиши), которым еще не так давно поклонялись саамы, можно рассматривать как пережитки эпохи материнского рода»<sup>30</sup>; «значительное место в религиозном сознании занимали также представления о различных духах-покровителях и враждебных духах»<sup>31</sup>. По мнению Н. Н. Волкова, саамский фольклор «отражает религиозно-обрядовые традиции»<sup>32</sup>.

Таким образом, виден переход Н. Н. Волкова от критической позиции в отношении православной христианизации к «патриотической», а также смена оценки религиозных воззрений саамов, как христианских, так и дохристианских, с негативной на нейтральную. Можно предположить, что

на позицию советского этнографа, который обращался к вопросам религии, влияли меняющиеся политico-идеологические контексты внутри страны, прежде всего взаимоотношения государства и церкви в предвоенный и военный периоды. Не исключается внешнеполитический фактор: крайне агрессивная внешняя политика гитлеровской Германии в Европе сказалась на поляризации оценок характера христианизации народов западными державами и Российской государством. Нельзя не учитывать непосредственного влияния на научные тексты политической обстановки 1930–1940-х годов, когда любая оплошность или неверно истолкованное слово могли иметь и имели фатальные последствия. При этом материалы личного архива Н. Н. Волкова свидетельствуют, что на протяжении всего времени сохраняли устойчивость научно-еволюционистская точка зрения автора на постепенное отмирание части религиозных воззрений саамов и признание формального исповедания ими православия, которое приживается лишь в обрядовой форме.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> Жуковская И. В. Приложение к описи, описание и биографическая справка о Н. Н. Волкове, 1985. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1; Личное дело и биография Н. Н. Волкова. Машинопись. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.
- <sup>2</sup> Жуковская И. В. Там же. Л. 24об.
- <sup>3</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.
- <sup>4</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 84. Л. 2–3.
- <sup>5</sup> Жуковская И. В. Там же. Л. 3.
- <sup>6</sup> Там же.
- <sup>7</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 84. Л. 2–3.
- <sup>8</sup> Волков Н. Н. Проспект коллективного исследования на тему «Преодоление религии у народов СССР». Машинопись. 1936. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 34. Л. 14.
- <sup>9</sup> В фонде имеется 8 единиц хранения на саамскую тематику других авторов (дела 18, 90, 95–100).
- <sup>10</sup> В фонде имеется 7 единиц хранения от других авторов (дела 3, 5, 93, 94) и неустановленного авторства (дела 1, 2, 102).
- <sup>11</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 84. Л. 2–3.
- <sup>12</sup> Волков Н. Н. Путеводитель по отделу Кольского полуострова в Государственном музее этнографии. Машинопись. 1935. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 31. Л. 7.
- <sup>13</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 31. Л. 7.
- <sup>14</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.
- <sup>15</sup> Волков Н. Н. Докладная записка о материальном и общественно-политическом состоянии саамов Кольского полуострова. Секретарию Мурманского окружного комитета ВКП(б) тов. Абрамову. Машинопись. 1936. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–2.
- <sup>16</sup> Волков Н. Н. Этнографический очерк народов лесной полосы европейской части РСФСР. Автограф. 1939. НА МАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 43. Л. 16.
- <sup>17</sup> Волков Н. Н. Саамы. Машинопись. 1940. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 51. Л. 24.
- <sup>18</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 51. Л. 7.
- <sup>19</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.
- <sup>20</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.
- <sup>21</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 33. Л. 4–5.
- <sup>22</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 51. Л. 24–26.
- <sup>23</sup> Волков Н. Н. Саамы СССР (лопари): Тезисы дис. ... канд. ист. наук. Машинопись. 1946. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 57. Л. 5–6.
- <sup>24</sup> Волков Н. Н. Некоторые итоги этнографического изучения саамов (лопарей). Машинопись. 1946. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 9.
- <sup>25</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 9.
- <sup>26</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 57. Л. 5.
- <sup>27</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 57. Л. 5–6.
- <sup>28</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 9–10.
- <sup>29</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 9.
- <sup>30</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 8.
- <sup>31</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 9.
- <sup>32</sup> НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 10.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки / Под ред. Ч. М. Таксами, Л.-Н. Ласку. СПб., Каутокейно: Dieud 1, 1996. 109 с.

2. Волков Н. Н. Секта скопцов / Под ред. Н. М. Маторина. Изд. 2-е, доп. Л.: Прибой, 1931. 168 с.
3. Волков Н. Н. Скопчество и стерилизация (исторический очерк) / Отв. ред. И. И. Мещанинов. Л.: АН СССР, 1936. 136 с.
4. Решетов А. М. Репрессированная этнография. Люди и судьбы (Часть 1) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб.: МАЭ РАН, 1994. Вып. 4. С. 185–221.
5. Решетов А. М. Репрессированная этнография. Люди и судьбы (Часть 2) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб.: МАЭ РАН, 1994. Вып. 5–6. С. 342–368.

Zaytsev A. A., Kola Science Centre RAS (Apatity, Russian Federation)

### THE PERSONAL ARCHIVE OF N. N. VOLKOV AS A SOURCE FOR STUDYING BELIEFS OF THE SAMI

The article is devoted to the works of the Soviet ethnographer Nikolai Nikolaevich Volkov (1904–1953), the author of the monograph on Russian Sami, which was published after the death of the repressed scientist. The study was conducted on the basis of materials of the Scientific Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. The emphasis is on the position of the ethnographer regarding religious beliefs of the Saami. The general characteristics of Volkov's personal archive, the role of his works on religious institutions, the system of Sami beliefs and their Christianization are presented. The dynamics of the Soviet ethnographer's position in 1930s–1940s on a number of issues related to the assessment of the Orthodox missionary work and extra-Christian religious practices of the Saami was revealed. At the same time, the evolutionist point of view on the gradual withering of some religious beliefs of the Saami and the recognition of their formal confession of Orthodoxy remained stable.

Key words: N. N. Volkov, Soviet Ethnography, Archive, Sami, Beliefs, Christianization

#### REFERENCES

1. Volkov N. N. *Rossiyskie saamy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Russian Sami. Historical and ethnographic essays] / Chief-editors Ch. M. Taksami, L.-N. Lasku. St. Petersburg, Kautokeino, Dieđut 1 Publ., 1996. 109 p.
2. Volkov N. N. *Sekta skoptsov* [The sect of the Skoptsy] / Chief-editor N. M. Matorin. Leningrad, Priboy Publ., 1931. 168 p.
3. Volkov N. N. *Skopchestvo i sterilizatsiya (istoricheskiy ocherk)* [Skopchestvo and sterilization (historical essay)] / Chief-editor I. I. Meshchaninov. Leningrad, AN SSSR Publ., 1936. 136 p.
4. Reshetov A. M. Repressed ethnography. People and Fates (Part 1) [Repressirovannaya etnografiya. Ludi i sud'by (Chast' 1)]. *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi*. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 1994. Vol. 4. P. 185–221.
5. Reshetov A. M. Repressed ethnography. People and Fates (Part 2) [Repressirovannaya etnografiya. Lyudi i sud'by (Chast' 1)]. *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi*. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 1994. Issue 5–6. P. 342–368.

Поступила в редакцию 15.03.2017